

УДК 82

В.В. Семенова

Концепт средства массовой информации в структуре художественного текста у А.С. Пушкина

Аннотация. Данная статья представляет собой часть исследования концепта средства массовой информации в художественных текстах русской литературы. Конкретно идет разговор о концепте СМИ в поэзии А.С. Пушкина.

Ключевые слова: концепт, средства массовой информации, газета, журнал, деталь, средство характеристики персонажа, оппозиция.

V.V. Semenova

The concept of Mass Media in the structure of literary text of A.S. Pushkin

Summary. The article presents the research of the concept «mass media» in the texts of Russian literature. The concept «mass media» in A.S. Pushkin's poetry is analyzed in detail.

Keywords: concept, mass media, newspaper, magazine, detail, personage characterization device, opposition.

В творчестве Александра Сергеевича Пушкина концепт средства массовой информации еще не является тем существенным элементом, который определяет характер развития сюжета или становления героя, формирования системы персонажей, однако может выступать в качестве существенного дополнения характеристики времени и человека.

В стихотворении «Тень Фонвизина» (1815) «писатель знаменитый» и «известный русский весельчак» был отпущен с того света, чтобы посетить Россию, посмотреть, как теперь живут и что делают «братии-поэты». Поэт Дмитрий Иванович Хвостов (1757-1835), в кабинете которого остановился Фонвизин, сообщает:

<...> По мне с парнасского задору
Хоть удавись – так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякой лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии» боготворят.
А все последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист...
Мне враг последний журналист. [1, I: 106]

С одной стороны, в прошлом для конкретного поэта газета выступает в качестве источника хвалебных отзывов, которые, однако, не смогли повлиять на вкусы любителей поэзии, которые «читать стихов» поэта Хвостова «не хотят», даже несмотря на то, что в журнале «Кабинет Аспазии» его «боготворят». Убедившись в этом, пресса переменяла свое отношение к творчеству Хвостова, и уже в настоящем времени ему враг – «последний журналист». Сам журнал «Кабинет Аспазии» издавался в Санкт-Петербурге в 1815 году (вышло 7 номеров) и прославился тем, что печатал наиболее бездарных поэтов и писателей. Концепт периодическая печать (газета) в данном случае наполняется амбивалентным содержанием. С одной стороны, это – источник хвалебных отзывов о творчестве. Но с другой, периодическая печать наполняется значением непостоянства, способности быстро менять свое отношение и становиться врагом.

В первой эпиграмме «На Пучкову» (1816) газета снова появляется в качестве характеристики деятельности реального человека. Писательница Е.Н. Пучкова печатала в газетах анонимные сентиментально-патетические воз-

звания о необходимости помощи инвалидам. Такая деятельность не может, вроде бы, представлять писательницу смешной, однако труд ее, тем не менее, вызывает смех читателей:

Пучкова, право, не смешна:

Пером содействует она

Благотворительным газет недельных видам,

Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидов. [1, I: 149]

Концепт газета, таким образом, наполняется содержанием польза, так как, по логике автора эпиграммы, смех, который могут вызывать газетные публикации не может помешать той пользе, которую от них получают инвалиды. Во второй эпиграмме «На Пучкову», написанной в том же году есть пояснение тому, что вызывает смех и читателей, и самого поэта:

Зачем кричишь ты, что ты *дева*¹,

На каждом девственном стихе?

О, вижу я, певица Ева,

Хлопочешь ты о женихе. [1, I: 150]

И в этой эпиграмме газета уже представлена в качестве средства достижения своих личных целей, в частности, как средство решения проблемы замужества для автора газетных публикаций. По крайней мере, таковой газету видел автор эпиграммы.

В романе «Арап Петра Великого» (1827) газета упоминается всего один раз и выступает в качестве детали, характеризующей уровень образованности Петра I: «Оставалось двадцать восемь верст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошел в ямскую избу. В углу человек высокого роста, в зеленом кафтане, с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. «Ба! Ибрагим? – закричал он, вставая с лавки <...>» [1, III: 10].

Всего лишь одно краткое упоминание о гамбургских газетах является свидетельством того, на каком уровне император знал немецкий язык.

Газета у Пушкина может выступать в качестве детали, характеризующей жизнь провинции. В повести «Выстрел» (1830), сравнивая «рассеянных жителей столицы» с теми, кто живет в провинции, Пушкин отмечает то, ка-

ким событием для последних является «почтовый день»: «Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например об ожидании почтового дня; во вторник и пятницу полковая наша канцелярия бывала полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обыкновенно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную» [1, III: 50].

Приход газет, наряду с письмами и деньгами, наполняет провинциальную жизнь новостями, оживляет ее, даже уже само ожидание получения свежей прессы вносит изменения в размеренную жизнь провинциального гарнизона.

В повести «Барышня-крестьянка» (1830), характеризуя настоящего русского барина и англомана Григория Ивановича Муромского, автор обращается к образу современных журналистов. Иван Петрович Берестов строже всех из соседей отзывался на поведение Муромского: «<...> Да-с! – говорил он с лукавой усмешкою, – у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты». Сии и подобные шутки, по усердию соседей, доводимы были до сведения Григорья Ивановича с дополнением и объяснениями. Англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты. Он бесился и прозвал своего зоила медведем провинциалом» [1, III: 86].

В представлении автора, современные журналисты, которые сами критикуют все и вся, не могут выносить критику в свой адрес, от нее они начинают беситься. Разумеется, такое наблюдение переносится и на сами газеты.

В повести «История села Горюхина» (1830) газета возникает в качестве совсем уж мало-значительной детали. Повествователь, мечтавший «сделаться писателем», оказался настолько увлечен чтением литературных журналов в любимой конфетной лавке, что не обратил внимания на то, как «некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок Гамбургской Газеты»

¹ Курсив А.С. Пушкина – В.С.

[1, III: 104]. В тексте возникает своеобразная оппозиция журнал – газета. Мы назвали эту оппозицию своеобразной потому, что открыто она не обозначена, однако повествователь не обращает внимания на человека, который интересуется газетой, по той причине, что в его понимании, последняя представляет гораздо меньший интерес, нежели литературный журнал. Повествователь читал свои журналы долго и при этом не обращал на посетителя внимания. Только разговор двух молодых людей, которые узнали в нем «сочинителя», заставил повествователя обратить внимание на человека «в гороховой шинели» и даже в последующем догнать его.

Отношение персонажа к газете у Пушкина может служить средством характеристики персонажа. Так, весьма существенно дополняет характеристику героини повести «Рославлев» (1836) замечание девушки, от имени которой ведется повествование, о том, что Полина, ожидая своего жениха с войны, «занималась одною политикою, ничего не читала, кроме газет, Растопчинских афишек, и не открывала ни одной книги» [1, III: 122].

Газеты, «Растопчинские афишки» и письма из армии стали для героини источником информации о том, как «Наполеон шел на Москву», а «наши отступали». Пристрастие к такому чтению выделяет героиню в обществе: «Окруженная людьми, коих понятия были ограничены, слыша постоянно суждения нелепые и новости неосновательные, она впала в глубокое уныние; томность овладела ее душою. Она отчаивалась в спасении отечества, казалось ей, что Россия быстро приближается к своему падению, всякая реляция усугубляла ее безнадежность» [1, III: 122].

Газеты для героини выступают как оппозиция «суждениям нелепым» и «новостям неосновательным», источником которых являются люди, «коих понятия были ограничены». С другой стороны, именно газеты, как источник «всяких реляций», усугубляют ощущение безнадежности в состоянии Полины.

Причина того, что героиня «не читала, кроме газет» и «Растопчинских афишек» ничего другого, к примеру, литературных журналов, на наш взгляд, дана автором (не девушкой, от

имени которой ведется повествование!) чуть ранее, в «маленьком», как он его называет, отступлении: «<...> Журналы наши занимательны для наших литераторов... Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы русских торговков, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями костромских модисток» [1, III: 117].

Литературные журналы, интересные только для самих литераторов, делают их неинтересными для читателя, особенно в такой переломный и напряженный момент (Отечественная война 1812 года), какой переживают герои повести. Журнал и газета снова, как и в «Истории села Горюхина», оказываются в оппозиционных отношениях, однако на этот раз симпатии автора явно на стороне газеты.

Есть в лирике Пушкина и более развернутое, обстоятельное наполнение концепта газета. В стихотворении «Городок» (1815). Рассказывая «милому другу» очень подробно о своем пребывании «в тишине святой» маленького городка, «от шума вдалеке», поэт раскрывает среди прочих такую подробность этой жизни:

<...> Или, для развлеченья,
Оставляя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек,
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал <...> [1, I: 71]

Сама газета, как таковая, здесь вроде бы не присутствует, потому что этим словом в лирическом тексте заменяется слово «сплетни». Об их содержании, характере поэт, как мы видели, говорит довольно подробно. Источник сплетен – добренькая старушка, как и газета, знает «пропасть вестей». Содержание ее вестей, для поэта, – это и есть содержание современных газет. Не случайно два явления определены одним понятием. Газета и сплетни оказываются уравниены в своих функциях. Есть у поэта и модель отношения к обозначенному явлению его жизни:

<...> Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;
А я сию смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал.
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье! [1, I: 71]

Избранная поэтом, слушателем вестей «добренькой старушки», модель поведения это и есть то отношение, которого достойны современные газеты: сидеть смиренно, не особо прислушиваясь и углубляясь в собственные «мечтанья», терпеливо снося всю эту «пропасть вестей».

Развитием отношения к газете как к тому, во что нет смысла особенно углубляться, к чему не надо прислушиваться, стало послание «К Дельвигу» (1815). Говоря о себе, как о «жилище полей пустынных», поэт отмечает, что этот удел ему начертали сами музы. Вдали от столичного шума поэт хотел бы «полениться и негой насладиться»:

<...> Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон! [1, I: 96]

Концепт газета в этом послании выступает в качестве того, с чем необходимо торговаться. Показательно, что у Пушкина в данном случае нет ни одного слова о том, каково содержание, какова направленность газетных публикаций, значит, смысл действия («торговаться») распространяется на газету как явление в целом. Концептуальное видение газеты, таким образом, у поэта в данном конкретном случае связано только с ее торгашеским духом. По сравнению с этим, концепт журнал выглядит значительно более привлекательным: с идеологией, направленностью журналов можно сражаться, потому что они выступают в роли оппонентов и противников, а не торгашей.

Прямо противоположное значение концепта журнал находим в стихотворении «Примите новую тетрадь...» (1821), в котором последний увиден уже не в качестве оппонента или противника, а в качестве усыпляющего средства:

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы, –
Не веселее ль вам читать
Игровой Музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы
Иль усыпительный журнал,
Который, ввек не зная цели,
Усердно так тяжел и груб
И ровно каждые две недели
Быть хочет зол и только глуп. [1, I: 267]

В видении журнала Пушкиным присутствует некая алогичность. Представление о нем связано, в первую очередь, с усыпляющей функцией, но при этом подчеркивается, что он существует, «ввек не зная цели». Усыпляющему началу вполне способствует то, что журнал «тяжел» и «глуп», однако с этим же началом не очень согласуется и то, что он при этом усердно «груб» и «зол». Связано это, видимо, с тем, что поэт не приемлет не просто журнал как таковой, а журнальную политику определенного рода, для которой характерны отмеченные особенности.

Речь, разумеется, идет не обо всех журналах, а только о тех, которые не вызывают симпатий самого поэта. Последнее подтверждается наблюдением, согласно которому концептуальное видение журнала для Пушкина

всегда связано с именами издателей, редакторов, авторов конкретного издания. К примеру, поэт может воспринимать журнал отрицательно, когда тот еще только планируется издавать. Отрицательное отношение вызвано тем, что Пушкин знает имена тех, кто собирается его издавать и тех, кто приглашен в этом журнале сотрудничать. Один из таких примеров представляет эпиграмма «Литературное известие» (1829), хотя круг приглашенных к сотрудничеству, на первый взгляд, более чем странен:

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом «Письмовник» снова хочет;
И, говорят, на днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд,
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

[1, I: 443-444]

Своеобразие этой эпиграммы заключается в том, что в ней из живых упоминается только Михаил Трофимович Каченовский (1775-1842), бывший редактором журнала «Вестник Европы» в 1815-1830 годах. Всех остальных, названных в эпиграмме Пушкина в качестве приглашенных сотрудничать в новом журнале самого Михаила Каченовского, к 1829 году уже давно не было в живых.² Упоминаемый в тексте эпиграммы «Письмовник» – главный труд Н.Г. Курганова был опубликован в 1769 году, тогда еще под названием «Российская универсальная грамматика». Ничего не имея против деятельности конкретных людей, Пушкин обращается к их именам затем, чтобы высказать свое мнение относительно того, каким будет новый журнал Каченовского, известного своей приверженностью идеалам культуры классицизма и последовательным консерватизмом. В другой эпиграмме того же года Пушкин, развивая свою мысль, скажет о Каченовском, «журналами обиженном»:

<...> Что господин парнасский старовер
(В своих статьях)³ бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор. [1, I: 444]

Журнал «Вестник Европы» неизменно не вызывает симпатией поэта, и главная причина кроется в имени издателя и именах тех, кого тот приглашает к сотрудничеству. Даже само название журнала вызывает у поэта протест:

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист. [1, I: 463]

«Старый журналист» – это тот же М.Т. Каченовский, а «болван семинарист», который пришел в «Вестник Европы» «с своею прозою лакейской» – это Николай Иванович Надеждин (1804-1856). Фигура этого литератора одна из самых сложных и противоречивых в пушкинской эпохе. Будучи последовательным сторонником монархического режима, постоянно подчеркивал свою преданность ему в литературно-критических выступлениях. Его критика относительно произведений Пушкина отличалась грубостью и бестактностью (особенно яркими были нападки на «Евгения Онегина» и южные поэмы). В журнале Каченовского, который был предметом эпиграмм Пушкина, в том числе и тех, о которых мы упоминали, состоялся дебют Надеждина-критика. А журнал этот, о чем уже упоминалось выше, имел репутацию оплота консерваторов и староверов, сторонников охранительной по отношению к монархии идеологии.

Есть у Пушкина эпиграмма на М.Т. Каченовского «Жив, жив Курилка!» (1825), интересная тем, что созданный в ней образ журналиста выходит за рамки конкретного, хорошо известного в журналистских кругах человека:

Как! жив еще Курилка журналист?
- Живехонек! все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку.

² Василий Кириллович Тредиаковский (1703-1768); Николай Никитич Поповский (1730-1760); Иван Перфильевич Елагин (1725-1794); Николай Гаврилович Курганов (1725-1796).

³ Курсив А.С. Пушкина – В.С.

- Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. - Да... плюнуть на него.

[1, I: 341-342].

Сухость и скука, грубость и глупость, зависть к более одаренным собратьям по перу у Пушкина становятся словно бы характерными чертами журналиста вообще. Его журналист привык все тискать «в свой непотребный лист». Упоминание «старого вздора» и «вздорной новинки» характеризует то содержание, которым современный журналист наполняет печатные издания.

В лирике Пушкина, не связанной с жанром эпиграммы, концепт журнал может наполняться содержанием положительного характера. Так, послание «К другу стихотворцу» (1814), обращенное к судьбе поэта и его творений, как в историческом плане, так и в современном обществе, говорит о том, насколько трудна жизнь художника слова, о том, как трудно прожить в этом мире лишь на литературные заработки:

<...> Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки –
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов – хвалят все, питают – лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо...

[1, I: 19]

Журнал выступает в качестве единственного источника материального достатка для поэта, который не бывает по-настоящему богат. Журнал выполняет в судьбе поэта спасительную роль.

Упоминание журнала появляется в послании еще раз, когда поэт раскрывает своему «другу стихотворцу» все преимущества отказа от поэтической деятельности. Для примера он вспоминает историю о том, как «миряне простые» обратились к священнику, «который первым мудрецом издавна слыл», с просьбой наставить их грешных относительно пьянства. Встретив самого священника пьяным, они укоряют его тем, что он сам пить запрещает и «быть трезвым всякому всегда» повелевает, на что священник отвечает: «Живите хорошо, а мне – не подражайте». Поэт сравнивает себя с таким священником:

<...> И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит,
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса,
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он, Арист, он – не пиит.

[1, I: 20]

Журнал в данном контексте выступает уже как прибежище поэта, который, в свою очередь, отягощает («тягчит») его своими одами. Чуть ниже есть утверждение о том, что журнал это то, что может принести поэту славу, но: «Быть славным – хорошо, спокойным – лучше вдвое». Значит, тот, кто не отягощает журналы своими одами, пусть не имеет славы, но зато живет вдвое спокойнее.

Журнал в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824) вновь выступает в спасительной для поэта роли. На заявление Поэта о том, что он избирает свободу, Книгопродавец замечает:

<...> Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу много я добра. [1, I: 314-315]

Журнал в лице своих представителей – журналистов у Пушкина не случайно бродит «вкруг лавки»: он и есть то, о чем мечтают «нищие певцы», кому «можно рукопись продать». Журнал стремится к тому, чтобы оправдать ожидания «нетерпеливых чтецов».

Еще одно наполнение концепта журнал, схожее с тем, которое мы наблюдали в послании «К другу стихотворцу», находим во «Втором послании к цензору» (1824). Вспоминая историю своих отношений с цензором, поэт просит у него прощения за собственную вспыльчивость, дерзость и брань и объясняет их тем, что был «последних, жалких прав без

милости лишен», тем, что оказался среди гонимых. Теперь, находясь вдали от столичной цензуры, он может более спокойно наблюдать за происходящим:

<...> Теперь в моей глуши журналы раздирая,
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
[1, I: 329]

Журнал выступает здесь в качестве прибежища «бедной братии», которая способна только на «стишонки», словно бы талантливые произведения на его страницах вовсе не появляются. Этой мыслью проникнуто и появление журнала в тексте стихотворения «Французских рифмачей суровый судия...» (1833), в котором, наблюдая за тем, как много людей стало «марать бумагу», «тисненью предавать труды свои спеша», поэт советует им:

<...> Заняться службою гражданской или военной,

С хваленым Жуковым⁴

табачный торг завести
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
Вельможе пошлые кропая мадригалы,
Над меньшей собратьей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писак)
Подписку собирать – на будущие враки...
[1, I: 329]

Журнал – это, в первую очередь, возможность дать любое объявление. Он же предоставляет свои страницы для «пошлых мадригалов» вельможе, что позволяет их авторам вознестись над теми, кого на страницы журнала не пускают («над меньшей собратьей»). Журнал, по Пушкину, является прибежищем «писак», публикующих в нем свои «враки», и он же занимается тем, что собирает подписку для того, чтобы и впредь эти «враки» печатать.

Своя особая роль есть у журнала в романе «Евгений Онегин» (1833). Уже в первой главе, делясь с читателем воспоминаниями о том, как «кончил первую главу», как «думал уж о форме плана», о том, как назовет своего героя, поэт

признается, что, пересмотрев все написанное строго, он заметил:

<...> Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань! [2: 28]

В главе четвертой, повествуя о «вседневных занятиях» Онегина после объяснения с Татьяной, поэт замечает, что герой, среди прочих дел, «свой кофе выпивал, плохой журнал перебирая». Онегин, который, как мы помним, не слыл большим охотником до чтения, не читает, а именно перебирает плохой журнал, тем самым выражая свое отношение к определенному рода журналам.

Современные героям романа журналы (не обязательно литературные) могли всерьез их занимать, хотя в главе пятой поэт сообщает о том, что чтение гадательной книги Мартына Задеки занимает Татьяну значительно более, нежели Скотт, Байрон, Сенека, и «даже Дамских Мод Журнал».

Журнал в романе выступает не только в качестве одного из средств характеристики героев, но и наполняется автобиографическим для поэта содержанием. Так, заглавный герой, не получив ответа на свои письма к Татьяне, вспоминает время,

<...> Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла
И в темный угол заперла. [2: 143]

Именно в это время Онегин «стал вновь читать» все «без разбора», не только Гиббона, Руссо, Беля, Фонтенеля и прочих:

<...> Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа. [2: 144]

⁴ Табачный фабрикант.

Журнал в данном контексте представлен как источник поучений, а тот факт, что их на страницах журналов «твердят» свидетельствует о том, что это стало уже довольно длительным во времени явлением. С другой стороны, это – место брани на поэта, место в котором можно встретить самые неожиданные «мадригалы» в его адрес.

В этой же главе присутствует деталь, которая свидетельствует о том, что журнал в первой четверти XIX века стал весьма распространенным явлением. В воспоминаниях о времени хандры героя есть упоминание о том, что это было время, когда Онегин «чуть с ума не своротил, или не сделался поэтом», но походить на него уже стал:

<...> Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: Benedetta
Иль Idol mio и ронял
В огонь то туфлю, то журнал. [2: 145]

Концепт средства массовой информации у Пушкина, как мы видели, представлен газетой и журналом. Газета еще не играет в жизни как столичных жителей, так и провинции значительной роли. С другой стороны, журнал, в отличие от газеты, в достаточно малой степени воспринимается поэтом как средство массовой информации. Более всего он представлен в качестве явления литературной жизни, в котором есть свое положительное начало, но отрицательных черт в этом явлении значительно больше.

Литература

1. Пушкин А.С. Соч. В 3-х т. М.: Худож. лит., 1985-1986. Произведения А.С. Пушкина цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.
2. Пушкин А.С. Избр. соч. В 2-х т. Т. 2. М., Худож. лит. 1973. Роман «Евгений Онегин» цитируется по этому изданию с указанием страницы в тексте.

References

1. Pushkin A.S. Soch. V 3-h t. M.: Hudozh. lit., 1985-1986. Proizvedenija A.S. Pushkina citirujutsja po jetomu izdaniju s ukazaniem тома i stranicy v tekste.
2. Pushkin A.S. Izbr. soch. V 2-h t. T. 2. M., Hudozh. lit. 1973. Roman «Evgenij Onegin» citiruetsja po jetomu izdaniju s ukazaniem stranicy v tekste.